

УДК 821.161.1-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П56

Автор обложки Давит Джилавян

Пономарёва, Светлана.

П56 Город без войны : [для ст. шк. возраста: 16+] / Светлана Пономарёва, Николай Пономарёв ; [авт. обл. Давит Джилавян]. — М. : КомпасГид, 2019. — 328 с.
ISBN 978-5-00083-553-1

Альтернативный мир, похожий на наш на рубеже XX и XXI веков. Здесь телевидение, мобильная связь и интернет не то вышли из употребления, не то вовсе не были изобретены. Безымянный город, где разворачивается действие романа, мог бы располагаться где угодно на карте нашей страны, а атмосфера чем-то напоминает знакомое нам прошлое — но что за события в его истории опустошили целые кварталы и заставили обнести границу колючей проволокой?

Уже не один десяток лет город воюет с соседним Энском. Правда, торжественных сводок о сплочении народа перед лицом ненавистного врага мало, чтобы жители города забыли о том, как много их разделяет. От благополучного центра — всего какой-то час на автобусе до городских окраин, где бок о бок с мародерами квартируют в полуразрушенных пятиэтажках наемники из службы обороны «Штурм». Этот путь пришлось проделать пятнадцатилетнему Сашке, когда его обвинили в измене и отчислили из престижного Гвардейского корпуса: с таким пятном на биографии берут только в штурмовики — лишь бы умел стрелять. Отряд наемников становится Сашке новым домом и новой семьей. Здесь он находит настоящих друзей, узнаёт цену жизни и впервые начинает задумываться о том, зачем ведётся эта долгая-долгая война. А еще слышит легенду о том, что где-то далеко на юге есть город, в котором всего вдоволь и люди живут в мире друг с другом...

Неприглядные стороны жизни, будни парней-наемников изображены в романе без прикрас, с поразительной достоверностью, но, как всякая антиутопия, «Город без войны» — это еще и притча, в которой авторы осмысливают вечные вопросы, стоящие перед молодым поколением во все времена.

Произведения Светланы и Николая Пономарёвых не раз попадали в шорт-листы ведущих российских литературных премий. Их прозе свойственны одновременно увлекательность и глубина, для любой сложной темы они находят правильные слова, близкие читателям-подросткам.

УДК 821.161.1-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

© Пономарёва С., Пономарёв Н., текст, 2019
© ООО «Издательский дом «КомпасГид»,
ISBN 978-5-00083-553-1 оформление, 2019

Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!

Старинная пословица

1

«Бом-м... бом-м... бом-м-м...» — доносилось сквозь тишину. Перед глазами стояла белая пелена, то вьющаяся, как дым, то переливающаяся, как молоко. Голова была словно сдавлена жёстким жгутом. «Где я?» — подумалось краем сознания. Что произошло — не вспоминалось. Сашка попытался сосредоточиться на зрительных ощущениях. Звон прекратился. Сквозь туман проявился потолок с чуть заметной паутинкой в углу, и Сашка решил, что это казарма. Потом туман рассеялся. Перед Сашкой была небольшая комната: возле кровати — тумбочка, чуть дальше — стол, табурет и ещё одна свободная кровать. За столом, склонившись над газетой, сидела толстая женщина в белом халате. Сначала и женщина эта, и комната, и жуткий запах хлорки вокруг существовали отдельно, ничем между собой не связанные и ничего не значащие. Потом сложилось: санчасть. Он в санчасти Корпуса. Значит, случилось что-то серьёзное, значит, он ранен. Сашка с трудом оторвал голову от подушки. Жгут на голове оказался марлевой повязкой. За окном садилось солнце и протяжно свистел ветер...

Лежать было неудобно, и Сашка попытался повернуться на бок, чуть не вскрикнув от боли, пронзившей половину головы. Пружинная койка под ним заскрипела. Женщина обернулась.

— Скажите, — с трудом выговорил Сашка, — почему я здесь? Меня ранили? Я ничего не помню.

— Поговоришь с доктором, когда он подойдёт, — нехотя отозвалась она. — Сообщи ему, что ты очнулся.

Сашка закрыл глаза. Голова всё ещё болела. И лезла в неё всякая чепуха: вспоминались учения их роты в степи. Пятые учения за год. Зачем их вспоминать? Все кадеты выезжают на учения. Все пробегает то по дождю, то по жаре бесконечные километры. Иногда налегке, иногда — волоча на себе килограммы груза. Выматываются, устают, добираются до нужного блокпоста почти ползком... Это нормально, так было всегда, он к этому привык. Почему же он здесь? Что-то произошло на учениях такое, чего он не запомнил. Он ударился головой. Только как? Никаких предположений... Ничего, кто-нибудь придёт и всё расскажет. Илья придёт... Сашка отогнал наваливающийся сон. Почему же он сразу не вспомнил? Была буря. Пыльная буря, суховей с южных пустынь. Они с лучшим другом Ильёй отошли в сторону от блиндажей. В поднявшейся пыли ориентироваться было сложно. Илья подвернул ногу и захромал. Значит, он тоже здесь, только в другой палате, он расскажет всё завтра. От этого стало легче...

Сашка пролежал всю ночь, то приходя в себя, то опять проваливаясь в забытье. За окном так же ветрило, как и в степи. Под потолком от скачков напряжения мигала, то тускнея, то ярко вспыхивая, одетая в нелепый стеклянный плафон лампочка. Пару раз приходил мужчина в белом халате, делал укол в вену и удалялся, не разговаривая с Сашкой, хотя тот и пытался расспросить про ранение и про Илью. А потом наступило утро. Ветер за стенами санчасти улёгся, и вместе с этим прекратилось у Сашки изматывающее головокружение. Он смотрел в потолок и ждал, что же будет дальше. После ранений, если они случались в Корпусе, кадетов отправляли в отпуск. Значит, он на неделю-другую попадёт домой. Это как получить неожиданный подарок...

Колокол на улице пробил утреннее построение, и вскоре пришла толстая медсестра, заспанная и хмурая. Принялась менять Сашке повязку.

— Мне ещё долго лежать? — спросил он.

— Если захочешь, можешь встать.

— А в какой палате Илья Ветров?

— Я не знаю, кого как зовут. Много вас привозят. Ищи сам, — сердито ответила она, — только не сейчас. Из палаты не выходи.

Сашка встал, подошёл к окну, опёрся на подоконник. Оказалось, что палата на втором этаже: внизу видны кусок двора, поросшего пыльной травой, кустик шиповника и плотный деревянный забор, опоясывавший Корпус по периметру. Гвардейский Корпус, самое престижное учебное заведение в городе, был от города совершенно отделён. Не только высоченным забором и предупреждающими табличками: «Территория Корпуса. Стой! Посторонним вход воспрещён!», но и общим пониманием: гвардия — элита. Только тут, за забором, можно прожить настоящую жизнь, сделать хорошую карьеру и принести пользу Главе. Городские мальчишки мечтали стать офицерами гвардии. Сюда брали лучших. Отсюда отчисляли за любую мелочь. Сашка учился в Корпусе уже второй год и знал здесь каждый клочок земли. Плац, казармы, учебное здание, склады, подсобки... Вот теперь и санчасть, в которой бывать не приходилось. Корпус строился очень давно для парадного полка Главы, президента тогда ещё огромной федерации. Выстроили Корпус на совесть: здания до сих пор не ветшали и смотрелись внушительно. Первые ученики засадили территорию тополями и голубыми елями, и теперь это были могучие красивые деревья. Да, здесь всё выглядело не так, как в измученном войной городе...

Сашка пожалел, что окно палаты не выходит на другую сторону. Можно было бы посмотреть на утреннее построение

и на маршировку по плацу очередной роты. Или как старшие кадеты демонстрируют приёмы самообороны...

Сашка вздохнул, добрался до кровати и лёг. Перед глазами расплылся чёрный штамп на сероватой больничной наволочке... Их рота наверняка сейчас на теоретических занятиях. Решают задачки по алгебре или переводят куски из какой-нибудь книги легенд, написанной пустынноиками. А он будет валяться здесь неизвестно сколько из-за того, что непостижимым образом прошиб голову... А Илья, может быть, уже и выписался. Вправили ему вывих и вернули в роту. Интересно, успеет Сашка вылечиться до конца сентября? Сегодня ведь уже восемнадцатое. А с октября начнётся новый блок занятий. Обещали снайперскую стрельбу и маскировку... И скоро зачёт по языкознанию. Сашка вспомнил, что одолжил учебник языка пустынноиков кадету из другой роты. Учебник у него хороший — не по стандартной программе, а по университетской. Мама покупала... Всё-таки лазарет — очень скучное место, особенно если не пускают в коридор...

За дверью раздался шум, и в палату ввалился плотный невысокий мужчина, седоволосый и с забавными усищами. Это был один из лучших тренеров Корпуса, капитан Григорий Краев. Обычно подтянутый и аккуратный, сегодня он выглядел взвинченным и растрёпанным.

— Здравствуйте, господин офицер! — вскочил Сашка, протягивая руку вверх в привычном приветствии.

— Сядь! — скомандовал Краев. Сашка сел на кровать, а тренер опустился на табурет. — У нас с тобой несколько минут. Я спрашиваю — ты отвечаешь.

— Что-то случилось? Нас повезут на войну?

— Явился бы я из-за этого... — Краев нервно сцепил пальцы, будто решая, стоит ли разговаривать или прямо сейчас уйти. — К тебе приходили из Управления Безопасности? Нет? Значит,

придут. Как только медики им доложат, что ты оклемался. Придут или вызовут к себе... Не знаю, как там сейчас принято. Так вот... Я хотел тебе сказать: мне всё равно, что вы там с Ветровым задумали! В любом случае ваши выходы — бред и детство. Главное — ни в чём не признавайся.

Сашка смотрел на капитана и ничего не понимал. Краев это увидел.

— Ты вообще помнишь вчерашний день? Учения?

— Да, мы с Ильёй заблудились. Была буря... Подвернул ногу... — Сашка мучительно пытался вспомнить нечто, что стало бы ключом к непонятым словам Краева, но ничего не вспоминалось. — Потом что-то ударило по голове...

— Не что-то, а Ветров. Он ударил тебя, а потом убежал на юг. Его ищут, но до сих пор не поймали. Так что, выходит, Илья Ветров — дезертир и предатель города. Понял?

— Илья? — внутри у Сашки похолодело. — Не может быть! Он не мог убежать. Он ведь хромал.

— Ты ж не маленький, — невесело усмехнулся Краев, — соображаешь. Илья оказался предателем. Теперь его будет искать Контора. Знаешь такое заведение? Не рекомендую туда попадать. Они найдут Ветрова и расстреляют. Но это уже его беда. Сейчас я тревожусь за тебя...

Сашка молчал. Бежать в бурю через степь в другой город! Не просто предательство, а самоубийство... Зачем Илье бежать?

— У тебя только одно оправдание, — Краев прикоснулся пальцами к повязке вокруг Сашкиной головы. — Ты пытался его задержать — он ударил тебя камнем. Ты кровью смыл подозрения.

— Я не пытался его удержать! — выдохнул Сашка. — Он никуда не собирался, правда! Мы отстали от группы из-за его ноги! А потом...

— А потом он ударил тебя, чтобы ты ему не мешал дезертировать, — чётко сказал Краев, поднимаясь. — Ему ты теперь не можешь. Думай о себе. Допрос следователя из Конторы — не шутки.

Краев ушёл, будто не хотел, чтобы его видели в санчасти, а Сашка остался наедине со странными и страшными словами про дезертирство. Сказанное капитаном было настолько невероятным... Словно Сашке заявили, что мир перевернулся или что он сам вовсе не Александр Ерхов, а другой человек. Сашка встал и снова подошёл к окну. Как будто вид из него мог что-то прояснить. Хотя и в самом деле мог. Всё на прежних местах, значит, мир не рухнул. А раз так, то и Илья не может быть дезертиром. В самом деле, почему решили, что он куда-то убежал? Наверняка это ошибка. Илья заблудился. Да мало ли что в такой буре могло случиться. С чего взяли, что Илья его ударил? Сашка такого не помнит. А ведь он не слепой и не умалишённый, чтобы не заметить, как на него напали. Сашка потрогал повязку. Голова почти не болела. Это было ещё одним доказательством того, что Илья его не бил. Окажись у него в руке камень да стукни он камнем человека в висок — неужели не убил бы?

— Санёк!

Сашка опёрся на подоконник и заметил, что на газончике внизу стоят его приятели — Василь, Макар и Вовка. Сашка подёргал шпингалеты и распахнул окно.

— Нас исключают! — крикнул Вовка. — Всех, кто был вчера в нашей команде, переводят рядовыми в бронечасть на южной окраине. В Корпусе такой шорох! Офицеров опрашивают, везде обыски!

— Всё из-за Ветрова! — добавил Макар.

— А меня? Меня куда не переводят?

— О тебе молчат. Может, оставят кадетом. Вон как тебе досталось! Больно?

— Больно, — пробормотал Сашка. — А что, его не нашли?

— Нет. Вчера вертушки поднять не могли из-за ветра, только сегодня полетели. Да за ночь куда только не удерёшь! Санёк, слышишь?

Но он уже не слышал — сел на кровать, обхватил колени руками и закрыл глаза. Неужели всё правда и Илья действительно убежал?

— Кто разрешил окно открывать? — ворвалась в палату толстая медсестра и тут же визгливо заругалась на мальчишек: — Пошли вон отсюда! Написано же: «Не шуметь»!

Она грохнула створками так, что стекло зазвенело.

— Тебя выписывают. Форма в приёмнике. Иди на первый этаж...

В крохотной каморке дежурный кадет-первогодок выдал Сашке его форму. Сашка натянул гимнастёрку со следами крови на воротнике и посмотрел в зеркало. Вид у него был абсолютно не гвардейский: лицо бледное, чёрные глаза лихорадочно блестят, да ещё повязка вокруг выбритой головы. Сашка вздохнул, щёлкнул каблуками и заученным жестом отсалютовал отражению. Получилось так дурно, что передёрнуло...

В приёмнике, не отрываясь от заполнения каких-то важных бумаг, врач сообщил, что кадету Ерхову срочно велено явиться в кабинет начальника Корпуса.

— Вообще-то выписывать тебя рано, но есть такое распоряжение. — Он отложил карандаш и подал Сашке стеклянный флакончик. — Будешь пить эти таблетки утром и вечером, повязку поменяешь завтра. Лучше бы тебе полежать, но раз такое дело... Давай, держись.

Сашка сунул таблетки в карман и вышел на улицу. Неужели его тоже переведут рядовым в бронечасть? В команде вчера были десять человек. Как можно выгнать всех?

Стоял тёплый сентябрьский день, в воздухе носились паутинки, пахло хвоей. Сашка медленно пошёл в сторону административного здания. Форменные сапоги бухали по асфальтовой

дорожке и казались невероятно тяжёлыми, воротничок жал горло, Сашка мигом взмок и устал. И всё-таки он верил, что ничего плохого случиться не может. Он ведь не виноват. Значит, всё будет хорошо.

2

В администрации было душно и людно. Сновали по своим делам секретари в разноцветных костюмах, приносили документы офицеры в форме цвета хаки. Сашка присел в уголке и закрыл глаза, отстраняясь от человеческого круговращения. Вспомнилось, как больше года назад он сидел на этой же скамейке. Его привёл знакомый отца, оставил у окошка, а сам исчез в кабинете начальника. Сашка был тогда ещё малолетним: ходил в гимназию, дома лепил из глины замок, а об армии даже не мечтал. Да и мама считала, что хватит уже в семье военных, её сын должен окончить университет, медицинский факультет. Он не возражал — медицинский так медицинский. А потом, в странно душный для мая день, когда город был придавлен серыми мрачными тучами, а воздух казался неподвижным, отец с работы не вернулся. Пришли какие-то люди в парадной офицерской форме, что-то долго объясняли маме на кухне, а Сашка стоял у закрытой двери и мучился неизвестностью... Отец погиб, защищая жизнь Главы. Вместо отца у Сашки теперь был серый камень на офицерском кладбище. Того, кто стрелял в Главу, тут же поймала Контора. Только это не могло ничего изменить. Сашке оставалось недоумевать: как в их городе, лучшем из всех городов, мог появиться такой сумасшедший... Своей смертью отец заслужил венок, возложенный Главой на его могилу, и зачисление сына в гвардейский Корпус. Об университете теперь не могло быть и речи.

Сашка приоткрыл глаза — над ним наклонилась пожилая женщина.

— Тебе что, плохо? Ты к кому пришёл?

— К господину полковнику. Кадет Ерхов Александр.

— Сейчас сообщу.

Сашка опять погрузился в воспоминания. Тогда, год назад, из кабинета тоже вышла женщина. «Хорошенький мальчик», — оценила его, как куклу. Даже противно стало. Но, видно, она оказалась права, раз взяли Сашку именно в парадную роту.

«Тебя приняли, — сказал знакомый отца. — Не подводи!» И он не подводил...

— Ерхов, проходи! — крикнули из кабинета.

Кроме начальника Корпуса, полковника Белова, за столом в кабинете сидели Краев и незнакомый Сашке худой мужчина в сером костюме. Лицо у незнакомца было желтушно-измождённое, и посмотрел он на Сашку так, будто тот его личный враг и виноват во всех несчастьях.

— Садись, Ерхов, — полковник кивнул в сторону свободного стула у стены.

Сашка послушно сел.

— Да-а, — протянул незнакомец, — бардак в вашем учебном заведении, господин Белов. И хуже всего — подозрительный бардак. Вы нам всё Управление на уши поставили своими сопливыми перебежчиками...

Краев чуть слышно кашлянул.

— Займёмся делом. — Незнакомец вновь посмотрел на Сашку. — Я следователь из отдела дознания Управления Безопасности. Ты — Ерхов Александр?

— Да, — выдавил Сашка, не понимая, что происходит.

Следователь порылся в лежащей перед ним коричневой папке и стал зачитывать:

— Возраст — пятнадцать лет. Отец, Ерхов Александр, в мае прошлого года героически погиб, защищая жизнь Главы; мать,

Ерхова Клавдия, учительница в младшей школе, проживает по улице Братская, дом восемь, квартира шесть. Всё верно?

Сашка кивнул.

— У тебя и дед герой был?

— Да.

— Вот так... А ты, значит, предатель.

Перед глазами у Сашки потемнело.

— Я не предатель! Это ошибка.

— А я тебя ещё ни о чём не спрашиваю! — рявкнул следователь. И перевёл взгляд на Краева. — Совсем распустили личный состав. Я сюда за его оправданиями пришёл? Такой позор на Корпус, а все ведут себя, будто ничего не произошло.

Сашка смотрел то на Краева, то на полковника. Те молчали и, похоже, вступаться за него не собирались. Краев рассеянно сплетал и расплетал пальцы сложенных на коленях рук. Следователь встал, подошёл к Сашке вплотную и, наклонившись, спросил:

— Ты, сын героя, ты вообще соображаешь, во что вляпался?

Сашка вжался в спинку стула.

— Давно Ветров собирался в Энск?

— Не знаю.

— Это не ответ.

— Да я честно ничего не знаю! — Сашка с ужасом смотрел на следователя. — Мне Илья ничего не говорил!

— Понятно, — процедил следователь. — Мальчик решил задурить голову трём взрослым мужикам. Думает, сойдёт, и его отпустят. Думает, сможет и дальше учиться в Корпусе. А честь будущего офицера для него, видимо, пустой звук!

— Никак нет!

— Нет? — следователь приблизил своё лицо к Сашке, и тот почувствовал его дыхание, пахнущее дешёвыми сигаретами и чем-то сладковатым. — Знаешь, что бы на твоём месте

сделал человек, дорожащий воинской честью? — Он сделал паузу и выдохнул: — Пустил себе пулю в лоб!

В кабинете повисла нехорошая тишина. Сашка вдруг почувствовал ту головную боль, с которой он очнулся в госпитале. На мгновение показалось, что он просто продолжает приходить в себя и вот-вот увидит белый потолок. Но тут под следователем заскрипел стул, и наваждение исчезло.

— Ну, теперь я хочу услышать от тебя что-то более стоящее, чем «я не виноват», — следователь вернулся на прежнее место за столом. — Итак, с кем чаще всего общался Ветров, кроме тебя, и кому он мог выдать свои планы?

Сашка подавленно молчал. Голова болела, мысли лезли одна на другую.

— Ерхов, тебе задали вопрос, — подал голос полковник.

— Он... — Сашка запнулся. — Ветров дружил только со мной. Он был из приюта, у нас тут не любят приютских...

— Кадеты не любят или тренера тоже? — заинтересовался следователь. — К примеру, тренер по ориентированию? Вот он, перед тобой. Скажи, как он относился к кадету Ветрову? Плохо?

— Хорошо.

— А почему хорошо? Он выделял его из остальной массы кадетов?

Сашка кивнул, потом помотал головой и беспомощно уставился на Краева.

— Да, — сказал тот, — я выделял Ветрова. И выделял Ерхова. Они способные ребята, и их трудно не выделять.

— Господин капитан, — внушительно проговорил следователь, — я сейчас задаю вопросы Ерхову, а не вам. А Ерхов почему-то не хочет оказать мне помощь. Он всё время ожидает подсказки от вас. Это можно рассмотреть как организованную вредительскую группу. Кто-то ведь внушает кадетам, что можно отправиться во вражеский город. Не сами же они до этого додумались, верно?

— У нас в Корпусе нет вредителей, — сказал Краев.

— Значит, они есть за пределами Корпуса! — гаркнул следователь. — Ветров ходил в увольнения?

— Как все. Раз в месяц на два дня.

— Куда он уходил в последний раз?

— И в последнее, и во все предыдущие в этом году увольнения он уходил вместе с Ерховым к нему домой, — сказал Краев.

— Да, Ерхов... Куда ни глянь, всё сводится к тебе, — следователь вытащил из кармана блокнот, карандаш и стал что-то туда записывать. — Твоя вина настолько очевидна, что и доказывать нечего...

— Подождите, — вмешался Краев, — какая вина? Ветров ударил его по голове, чтобы он не мешал ему покинуть район учений. Если бы Ерхов был виноват, они бы ушли вместе.

Следователь посмотрел на него ледяным взглядом.

— Вы ведь не дознаватель. Вы всего лишь тренер по ориентированию. Бывший тренер... А про удар по голове разговор отдельный. Слишком уж аккуратно стукнул. Чтобы и не убить, и подозрения отвести... И потом, так не бывает, чтобы человек вынашивал план и никто вокруг ничего не знал. Ветров ведь не сверхшпион какой-то и не сумасшедший, чтобы раз — и убежать без подготовки. А что касается Ерхова... Если ему друг-предатель дороже карьеры, учёбы в Корпусе, то выбор его. Посадить бы его по-хорошему в наше Управление, да улик маловато. Впрочем, я надеюсь, в гвардии он не задержится.

— Не отчисляйте меня, — прошептал Сашка, — я ни в чём не виноват.

— Ты, может быть, и нет. Но вот друг у тебя — враг города. Вот в чём беда-то... — Следователь встал, спрятал блокнот в карман и кивнул полковнику: — Полагаю, на сегодня мы с вами закончили. Если будет необходимость, кадетов начнём вызывать. Всего хорошего.

Он вышел. Несколько секунд в кабинете было мертвенно тихо. Потом полковник взял со стола папку, открытую следователем:

— Твои документы, Ерхов. Ты отчислен. Казённое имущество сдай на склад.

— Вы его куда не переводите? — спросил Краев.

— Чёрный штамп в личное дело. В профессиональной армии предатели ни к чему. Может быть, отряды гражданской обороны или штурмовые бригады...

Всё вокруг Сашки завертелось. Он вцепился руками в сиденье. Краев взял из рук полковника папку и почти выволок Сашку в коридор.

— Ничего ещё не потеряно, — сказал он. — Насчёт чёрного штампа тебя просто пугают. Пара лет — и можешь попытаться поступить в танковое училище или в вертолётчики, — потом внимательно посмотрел на Сашку, — или получишь гражданскую специальность. Так даже лучше. Ты у матери один. Зачем платить за учёбу там, где тебя в любую минуту пристрелят?

— Пристрелят? — Сашка поднял на Краева глаза. — Я сам должен застрелиться. Все теперь будут считать меня предателем.

— Не все, а Контора. Если бы стрелялись все, кого они подозревают, в городе жителей бы не осталось. Понял? Пошли.

Они вышли на улицу. Территория Корпуса выглядела как обычно: ели, дорожки, плакат «Мы — на защите города». Жизнь в Корпусе, уставная, чётко расписанная, продолжалась. Мимо Сашки и Краева то и дело проходили кадеты, вскидывали руки в приветствиях и спешили дальше. Сашка смотрел на кадетов, деревья, здания и думал, что никакой жизни, кроме этой, себе не представляет. Как можно вдруг оказаться дома? Там, где он почти не бывал за последние полтора года. Что он будет делать? На учёбу в университете у них нет денег, а никакой профессии он не обучен. Его даже в мастерские не возьмут. А что

будет с мамой? У мамы больное сердце, она может не пережить, что его отчислили...

— Ты меня слушаешь? — откуда-то сверху донёсся голос Краева. — Я говорю: держись. В жизни бывает всякое. Может, оно и к лучшему повернётся. Как знать...

3

Под вечер Сашка пришёл домой. Пока он ещё был в Корпусе, пока сдавал учебники, форму, прощался с ребятами, тоска была не такая сильная. Теперь же всё внутри болело, разрывалось на части. Он знал, что не должен идти домой. Он должен умереть. Чтобы не позорить мать. Но ноги сами принесли его к дому. Он немного постоял на улице и всё-таки вошёл в подъезд. Постучал в дверь сначала совсем осторожно, потом — сильнее. В квартире слышались мамины шаги. Это был лёгкий шелест шерстяных следков по деревянному полу, только сейчас он казался громче обычного. Вот мама остановилась у двери и спросила:

— Сашенька, ты?

Сашка подпрыгнул от неожиданности. Обычный мамин вопрос вдруг прозвучал безразлично, словно сын её давно застрелился и мама уже никого не ждёт. Сашка замер от неожиданности своего открытия, а мама повторила вопрос. Потом наступило молчание, долгое молчание. Где-то за соседней дверью раздавался шепоток, ничего не значащий, но тревожный, за другой дверью почудилось кошачье мяуканье, темнота становилась пугающей. Сашка готов был повернуться и сейчас же бежать прочь от двери, прочь из дома, прочь из города...

Дверь отворилась. Сашка зажмурился от яркого света керосиновой лампы, которую мама держала перед собой. Лицо мамы казалось бледным, измученным.

— Ох, Сашенька, — выдохнула она, неловко притягивая его к себе одной рукой. В квартире отвратительно пахло лекарствами. Сброшенные с вешалки, валялись в прихожей вещи. — Люди из Конторы, — объяснила мама, — такие грубые, страшные...

Она всхлипнула. Сашка взял из её рук лампу, пошёл на кухню. Там тоже царил беспорядок.

— Сашенька, — мама как будто только что его разглядела, — что у тебя с головой?

— Ерунда, — пробормотал он. Похоже, те, кто навевывался к ним домой, не объяснили маме всего, что произошло. — Ты лучше скажи, чего они хотели? О чём тебя спрашивали?

— Они что-то искали. А спрашивали про Илью, про то, как вы в увольнение приходили. Сказали, Илья что-то натворил... — Мама сосредоточенно вспоминала. — Я хотела завтра ехать к тебе в Корпус. Такое горе... Илья — такой милый мальчик. Что он сделал? Ведь его теперь могут отчислить, да?

— Мама, — оборвал её Сашка, — что говорили обо мне?

— Ничего. Проверили твои вещи, и всё.

Сашка сел на табурет, положил локти на стол. Мама ничего не знает об отчислении, да и об Илье тоже. А уже так расстроилась. Что же будет дальше?

— Сынок, что у тебя с головой? Это опасно?

— Нет, — Сашка выдавил из себя улыбку и принялся врать: — На учениях из грузовика выпрыгивал — стукнулся. Вот отпуск дали. Недельку дома побуду.

Мама стала разжигать плиту. Сашка смотрел, как она устало двигается, и лихорадочно размышлял. Контора сюда больше не сунется — зачем он им нужен, да и из Корпуса выгнали и забыли. Значит, маме ничего можно не говорить. Так для всех будет лучше. Только надо за неделю что-то придумать. Решить, куда можно уйти, как будто в Корпус. Попробовать сунуться на завод — там работникам дают койку в бараке — или в какую-нибудь охранную службу... Выход найдётся.

— Сынок, а Илью держат в Конторе? Может, сходить, попросить за него? Он не может быть виноват.

— Мама, не надо! Только не ходи в Контору! — Сашка вскочил. — Он... на самом деле виноват. И мы с ним больше не друзья!

Мама ещё что-то говорила, но Сашка прошёл мимо неё в комнату и стал стелить себе на полу. Надо было лечь спать, чтобы не отвечать на её расспросы. Лечь и всё хорошенько обдумать. К тому же от всего этого безумия болела голова.

Мама грела чай, предлагала ему поесть, потом ещё долго сидела за проверкой тетрадей, вздыхая и шелестя страницами. Сашка лежал неподвижно и размышлял. О том, что совсем, оказывается, не знал Илью. Не знал того, с кем год стоял в шеренге рядом, спал на общей двухъярусной койке, сидел за партой.

А ведь они с Ильёй даже не ругались. Сашка вспомнил, как на одно из первых построений приятель притащил котёнка, подобранного у забора Корпуса, и за это загремел в карцер. Сашке показалось несправедливым такое наказание, и он стал пререкаться с офицером, за что его тут же посадили рядом с другом.

— Вот смотри, — говорил тогда Илья, — мы постоянно попадаем в одно и то же место — в Корпус, в одну роту, в один карцер. Ты думаешь, просто так? Нет, это не просто так. Мы как-то связаны.

— Да, — ответил Сашка. — Конечно, мы связаны. Давай поклянёмся никогда не разлучаться, даже если нас пошлют на войну.

— Давай, — согласился Илья. — Только клятву нужно скрепить кровью. Чтобы всё было серьёзно.

Расковыряв себе пальцы выдернутым откуда-то гвоздём, они перемешали кровь.

— Ну вот, — сказал Илья, слизывая кровь с пальца. — Теперь мы всегда будем вместе.

Наконец мама погасила лампу и легла. Сашка, кусая губы, подождал, пока она уснёт, и всё-таки разревелся. Раньше он

и не подозревал, что в нём такой запас слёз: плакал и плакал, а слёзы всё не кончались. На улице была глухая ночь, когда, обессилев, он не то заснул, не то потерял сознание...

Утро выдалось унылым: по крыше барабанил мелкий дождик, ветер трепал пожелтевшие листья клёнов. Сашка проснулся и долго не мог сообразить, что случилось и почему он дома, а когда вспомнил, стало совсем плохо. Мамы в комнате не было — ушла на работу. Он поднялся, решил принять душ. Из зеркала на него затравленно смотрел худой бледный подросток, мало напоминающий прежнего Сашку. Повязка за ночь сбилась, обнажила затянутую кровавой корочкой рану. Сашка отвернулся, встал на цыпочки и достал с полки старенькую аптечку. К счастью, бинт в коробке нашёлся. Морщась от боли, Сашка туго перетянул себе голову, проглотил пару таблеток, полученных в санчасти, умылся, закрыл за собой дверь квартиры и постучал к соседям. У тёти Лизы и дяди Вити был единственный в доме телефон.

— Привет, солдат, — сказала тётя Лиза, увидев его, — какая у тебя повязка симпатичная!

— Мне бы позвонить... — вздохнул Сашка.

Он взял справочник и набрал номер агентства караванной торговли. Спросил, не требуются ли им охранники караванов. «Позвоните через месяц», — попросили его. Службе бытовых услуг при правительстве города сотрудники его возраста не требовались. В организации охраны «Сириус» трубку не взяли, а в кадровом агентстве завода предупредили сразу: «Мест нет, и больше не звони». Тогда Сашка позвонил в военизированную службу обороны «Штурм».

— Чего надо? — спросил грубый голос на том конце провода.

— Вам не требуются парни в штурмовые бригады?

— Что, совсем в дерьме? — участливо поинтересовался неизвестный собеседник.

— Да, дела неважно.

— Приходи в службу вербовки: улица генерала Пиотковского, шесть. Всегда рады, приятель. У нас ты понюхаешь, чем воняет порох. Полное обеспечение жилищем, жратвой, обмундированием, девками. Гы-гы.

— Можно прийти через несколько дней?

— Валяй, приятель. Надеюсь, здоровье у тебя лошадиное? А то сдохнешь, не доходя до места!

— Бывший кадет гвардии Главы, — вздохнул Сашка.

— Ну тебя там, видно, здорово по башке съездили, если ты из гвардейцев идёшь к нам, гы-гы-гы...

Сашка положил трубку. Штурмовая бригада — это последнее, на что стоило соглашаться. В городе ходили слухи, что все штурмовики — воры и проходимцы... Но там давали жильё. И, в конце концов, если будет слишком плохо, никогда не поздно уйти. Он поблагодарил тётю Лизу и вернулся домой. Стал наводить порядок: подбирать выброшенные из его шкафчика и с полок вещи. В комнате было сумрачно и тихо. Тишина нагоняла тоску. Ещё немного — тоска накроет с головой, начнёт душить, заставит плакать. Этого никак нельзя допустить. Сашка включил радиоприёмник, откуда тут же понёсся знакомый марш. Так-то лучше...

Удивительно, сколько разной ерунды накопилось у него за последнее время. Он приволок всякий хлам из старой квартиры, где жили ещё с отцом. Тогда верилось, что, сохранив гимназические тетрадки, флакончики с краской и клеем для моделей, винты от разных конструкторов, он будет жить хорошо — устойчиво и понятно, как раньше. Теперь это казалось смешным. Сашка притащил из кухни мусорное ведро, сгрёб тетради туда. Верхняя оказалась не гимназической — уже из Корпуса. Сашка осторожно открыл её — пространственная геометрия. А в конце — клеточки игры-лабиринта, в которой они с Ильёй искали